

ИГОРЬ НЕГАТИН
ЛИЦЕНЗИИ ЗОЛОТО.
СУДЬБЫ ЦВЕТА ХАКИ

Роман

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Н41

Художник
О. Бабкин

Негатин И. Я.

Н41 Лишнее золото. Судьбы цвета хаки: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 311 с.: ил.— (Земля лишних. Мир Андрея Круза).

ISBN 978-5-9922-1740-7

Мир, случайно открытый учеными во время эксперимента, стал прибежищем для тех, кто счел себя лишним в Старом Свете. Легионеры и геологи, картографы и биологи... те, кто решил начать жизнь с самого начала, исследователи и воины... Их судьбы превратились в города и дороги, нанесенные на карту Нового мира. Те, кто стал легендой еще при жизни, их дороги никогда не были легкими. Вечные бродяги, которые не видели иных путей. Парни, чьи судьбы окрашены в цвета хаки.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1740-7

© Негатин И. Я., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

Поднятая ветром пыль завивалась причудливыми кольцами, как огромная змея в неистовом сакральном танце. Она хлестала землю, покрытую мелкими трещинами, будто усмиряла жизнь, притаившуюся в безбрежных просторах предгорья. В быстро наступающих сумерках это выглядело пронзительно и жутко. Разноголосый вой ветра лишь усиливал безумную картину, похожую на смертельную схватку. Битву с чем-то непознанным, выходящим за пределы человеческого разума.

Огромная трехметровая ящерица, лежащая в зарослях сухой травы, подняла голову и прислушалась. К шуму ветра добавился посторонний звук — отдаленный рокот мотора. Он нарастал, отдаваясь гулким эхом от скал и перекрывая протяжный стон ветра. Натужно взревел движок, преодолевая очередной подъем, и по гранитным валунам, отбрасывая длинные черные тени, полоснул резкий свет фар. Ящерица метнулась в сторону и исчезла. Несколько секунд спустя раздался металлический скрежет, и звук резко оборвался. На пригорке, уткнувшись крылом в скалу, застыл запыленный джип, похожий на странное одноглазое существо...

Утром ящерица вернулась. Послышался шелест выгоревшей на солнце травы, и над камнями возникла широкая, слегка приплюснутая голова. Гребень из небольших, обтянутых кожей шипов начинался у основания носа и тянулся до самого затылка, превращаясь в устрашающее жабо. Она медленно влезла на камень и

застыла словно изваяние, покрытое зеленоватой патиной. Спустя несколько минут ящерица вздрогнула и, шевельнув коротким хвостом, открыла пасть. Запах... Запах крови — вот что заставило ее вернуться! Медленно, часто замирая, она начала приближаться к машине.

В джипе было два человека. Один из них, в камуфляжной куртке, покрытой бурыми пятнами, был уже мертв. Судя по всему, он вел машину до последнего. Так и умер — привалившись боком к двери, продолжая сжимать в руках бесполезный руль. Позади него, на небольших, плотно набитых брезентовых мешках лежал светловолосый мужчина лет тридцати, одетый в изорванную, выгоревшую под солнцем ветровку. Он хрипло дышал, уставившись остекленевшим взглядом в разбитое боковое стекло. Наступил полдень, когда рядом с машиной мелькнула тень. Жизнь научила ящерицу осторожности, но чувство голода сильнее страха. Хорошо знакомый запах крови... Значит, внутри есть мясо. А если там мясо, значит, его можно и нужно съесть. Мужчина с трудом повернул голову, и последнее, что он успел сделать в жизни — это прошептать: «Тварь...»

Поселение, расположенное неподалеку от горного перевала, носило гордое имя Аламо. Нет, это не тот знаменитый американский городок в южном Техасе, который прославился сражением между поселенцами и мексиканской армией. Это другой город — затерявшийся под чужим небом, в иных широтах, на выжженной палющим солнцем земле. Горячий ветер покрывал дома пылью, будто старался приглушить краски, чуждые этому миру. Все было засыпано этим красноватым налетом, отчего город выглядел гораздо старше, словно на этих стенах оседал пепел прошлых веков. Пыль старит. Как морщины на человеческом лице.

Небольшой двухэтажный дом, находящийся на центральной улице городка, ничем не отличался от других. Разве что поблекшей вывеской «Sam's Gun Store», вися-

шей на фасаде. Приветливо звякнул дверной колокольчик, и на залитую солнцем улицу вышел коренастый сорокалетний мужчина. Прищурившись, он посмотрел в конец улицы, где в широкие ворота промзоны, рыча моторами, втягивались машины. Конвой...

Среди железа, окрашенного в привычный защитный цвет, выделялся один джип, остановившийся в стороне от каравана. «Сузуки Самурай», песчаной масти, с нарисованным на капоте бурым медведем. Зверь хитро шурился, протягивая зрителям мощную лапу, на которой лежал винтовочный патрон. Чуть ниже — короткая надпись: «Побежишь — умрешь уставшим!» Из джипа, сдергивая с лица платок, выпрыгнул молодой парень. Голубоглазый, русоволосый, лет двадцати — двадцати пяти. Крепкого телосложения, он сам напоминал этого сильного зверя. Кряжист и нетороплив, даже передвигался очень похоже — мягко, слегка вразвалку, словно таежный хозяин в малиннике. Мужчина осмотрелся и направился к одной из машин, где с привычными слуху матерками командовал офицер с капитанскими звездами на погонах.

— Товарищ капитан!..

— Погоди, Никита, — оборвал его собеседник и, повернувшись к машинам, крикнул: — Старлей, не разводи бардак! Как первый раз замужем, блин!

Затем он повернулся к парню и усмехнулся:

— Ну что, отпускник, дальше один поедешь?

— Так рядом же, товарищ капитан, — улыбнулся Никита. — Два часа — и дома...

— Ну, смотри, Никита, осторожнее. Ладно, хорошего отпуска! Бате — большой привет.

— Обязательно...

Мужчины попрощались, и парень отправился дальше. Проехав по центральной улице, свернул направо и затормозил у здания с красноречивой надписью «Saloon». Здесь хорошо кормили, а уж стейки подавали такой величины, что уйти голодным было невозможно. Даже

для самого большого любителя поесть! Примерно через час он вышел на улицу и, тяжело отдуваясь, забрался в машину.

— Обжоры аламовские! — сказал Никита и повернул ключ зажигания.

Дизель привычно заурчал, словно не вовремя разбуженный кот, и джип мягко тронулся с места. Выехав за пределы городка, мужчина переложил на соседнее сиденье «калашникова» и взял курс на северо-запад, вдоль реки Рио-Гранде. На севере виднелся горный перевал — постоянный источник опасности для местных жителей и путешественников. Именно оттуда приходили банды, промышлявшие на дорогах. Когда машины шли караваном, под конвоем военных, то риск сводился к минимуму, а вот одиноким путникам зевать не следовало — можно и без головы остаться. Иногда, под настроение, разбавленное хорошей порцией виски, старожилы Аламо любят рассказывать, как город несколько суток отбивался от бандитов. Отбились, конечно, но с какими потерями...

Вырвавшись на простор, Никита натянул на лицо платок и прибавил скорость. Звук мотора спугнул стадо антилоп, пасущихся неподалеку. Задрав головы, украшенные круто изогнутыми рогами, животные рванули в сторону и исчезли в клубах пыли. Водитель проводил их глазами и усмехнулся — хороший обед убегает! Обед, а заодно и ужин. Но какая тут охота, если после аламовских разносолов и сидеть трудно...

Через несколько часов Никита сделал небольшую остановку. Дом его отца находился совсем рядом. Еще несколько километров — и на берегу реки появится хозяйство, которое местные жители называют Шато Нардин. Небольшой каменный дом, окна забраны декоративными (но довольно крепкими) решетками. На заднем дворе — несколько подсобных построек и колодец, облицованный гранитными валунами. Нечто похожее Никита видел в книгах своей подружки. Там такой

стиль назывался испанским колониальным. Парень бросил задумчивый взгляд на окрестности и покачал головой — он собирался провести свой отпуск в Рио, но перед самым отъездом отец прислал телеграмму, чтобы сын обязательно приехал. Здоровье у родителя было крепкое, и подозревать что-нибудь нехорошее причин не имелось. Спустя полчаса Никита был дома. Отец, встретивший его на пороге, находился в добром здравии. После холодных (на посторонний взгляд) приветствий они прошли в дом, где был накрыт стол.

— Проголодался в дороге? — покосился отец.

— Да нет... Не очень...

— Значит, мой руки — и за стол...

— Лучше переесть, чем недоспать, — вздохнул Никита и пошел в ванную. — Отец, я привез тебе несколько бутылок вина из Виго. На мой взгляд, неплохое.

— Разве это вино? — пробурчал мужчина. — Кислятина. Эта земля не способна вырастить виноград, пригодный для хорошего вина. Она слишком скупа на подарки.

— Бурчишь, как удалившийся на пенсию винодел, — вытирая руки полотенцем, улыбнулся парень. — Мол, раньше и девки были сговорчивее, и вино благороднее...

— Среди наших предков не было виноградарей, только военные. И не путай винодела с виноградарем. Между этими двумя ремеслами, большая разница.

— Судя по результату, не очень большая. Разве наши предки из Бордоле? Помнится, ты мне рассказывал только про Париж.

— Люди, носящие фамилию Нардин, — жуткие непоседы, — усмехнулся мужчина, — и твой характер — прекрасное тому доказательство.

— Я знаю...

— Значит, выслушаешь еще раз, не переломишься. Мог бы и чаще приезжать.

— Отец, ты же знаешь — служба!

— Знаю, Никита, знаю...

— Немцов тебе привет передавал.

— Владимир? Тоже хорош; мог бы и заглянуть к старику.

— Тебе пятьдесят лет — и ты считаешь себя стариком? — улыбнулся Никита.

— По опыту прожитых лет я старше вас обоих, вместе взятых, — пробурчал отец. — Ладно, приехал — и хорошо. Рассказывай, что в мире нового? Абреки не шалят?

— Есть немного. В открытую не рискуют, но по мелочи паскудничают.

— А эти, мать их... благодетели?

— Отец, почему ты так орденских не любишь? Они, конечно, козлы, но ты их просто на дух не переносишь!

— Есть за что... Демидовск так и держат на половинчатом пайке?

— Ничего нового, — пожал плечами Никита, — в отряде поговаривают, что некоторые товары мы заказываем через посредников. Орден почувствовал силу, и вполне понятно, что хочет ее ограничить. Даже через Москву пробовали надавить, но наши быстро разобрались и послали центр куда подальше. В общем — все как всегда.

— Как всегда, говоришь... — Мужчина прищурился, провел рукой по шраму на подбородке и задумчиво продолжил: — Ну что же, может, и пора... Слушай, Никита, отпуск мы проведем не здесь. Я тебя не зря телеграммой вытащил. Понимаю, что в твоем возрасте интереснее отплясывать на карнавалах в Рио, чем слушать байки старого отшельника. Есть одно дело, которое хочу закончить. Пока не одряхлел...

Вечером, после сытного ужина, они уселись на веранде, освещенной несколькими лампами. На небольшом столике стояла бутылка красного вина, привезенного Никитой, и тарелка с нарезанным сыром. В противомоскитную сетку бились привлеченные светом насе-

комые. Где-то в темноте хрипела большая гиена. Мир жил своей обычной жизнью.

— Какое дело, отец?

— Не торопи события, сынок. Это долгая история...

— Разве мы куда-нибудь торопимся?

— Сегодня — нет, — покачал головой отец, — а вот завтра времени на разговоры не останется. Нас ждет небольшая прогулка на юго-запад.

— В сторону Демидовска?

— Нет, еще дальше. В горы.

— Отец, там рядом Джохар-Юрт...

— Мы пойдем не напрямую, а через Сао-Бернабеу. Затем от Рио спустимся вниз по побережью.

— Ты задумал опасное дело, — нахмурился парень. — Нас только двое...

— Не опаснее, чем жить. Тем более, — усмехнулся его отец, — что завтра нас будет трое.

— Трое? — переспросил Никита. — Кто третий?

— Один мой старый друг. Ты знаешь, — мужчина попробовал вино, посмотрел на бокал и удивленно хмыкнул, — что в этот мир я попал еще в пятом году. Это тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год по летоисчислению Старого Света. В те времена людей здесь было мало. Четыреста с лишним тысяч жителей. Большинство из них жило в районе Виго, Нью-Портсмута и Порто-Франко. Даже Вако еще не было. На его месте был форт с небольшим гарнизоном. Его называли Западным или «Последним приветом». Самая крайняя точка Нового мира. Именно здесь, на границе этого форпоста, начинались дикие земли, где не ступала нога человека. Не было ни Демидовска, ни Аламо. На побережье, там, где сейчас расположился форт Линкольн, стояло несколько рыбацких хижин. Люди собирались в небольшие группы и на свой страх и риск отправлялись на запад. словно в Старом мире, когда осваивали Америку. Многие из них умирали от лихорадки, погибали в стычках с бандитами или станови-

лись кормом для местной фауны. Но, кроме отправки переселенцев, были организованы и несколько научных экспедиций. «Для изучения Нового мира», — как любили говорить люди Ордена.

— А с кем же был ты? — неожиданно спросил Никита.

— Я, — усмехнулся отец, — был сам по себе.

— А мама?

— Мама... — запнулся мужчина, — Лена была со мной. Всегда...

Они немного помолчали. Никита почти не помнил своей матери — она погибла, когда ему было около двух лет. Так она для него и осталась светлым образом на нескольких чудом сохранившихся фотографиях. Когда подошло время учиться, Нардин-старший собрал вещи, посадил ребенка в машину и отправился в Порто-Франко. В 1993 году это был единственный город со школой и интернатом. Чуть позже они перебрались в Аламо. Два года тому назад, когда Никите исполнилось восемнадцать, он, посоветовавшись с отцом, отправился в Демидовск и поступил на службу в Русскую Армию. Отец построил этот дом и зажил неторопливой жизнью отшельника. Иногда к нему приезжали городские охотники, для которых он организовывал охоту на антилоп, навещались знакомые из Демидовска. Обычная, ничем не примечательная жизнь. Возможно, кто-то назовет ее скучной. Может, это и так...

— Папа, все это я слышал и раньше, — нарушил затянувшуюся паузу Никита, — но ты никогда не рассказывал мне одну историю.

— Какую?

— Почему ты решил прийти в этот мир?

— Почему? — переспросил отец. Он немного помолчал, провел рукой по лицу и задумчиво повторил: — Почему...

*1988 год. Кальви, Корсика. База
Иностранного легиона. Второй парашютно-
десантный полк*

Плотный мужчина с четырьмя майорскими полосками на погонах встал из-за стола и подошел к стоящему посередине кабинета мужчине.

— Поль, мне чертовски жаль, что так получилось, но ты же понимаешь...

— Так точно! Я все понимаю, mon commandant!¹

— Это сокращение, задуманное в Париже. — Майор покачал головой и поморщился. — Мне кажется, что они поторопились.

— Мне тоже так кажется, но ничего не поделаешь — приказ есть приказ.

— Нам будет тебя не хватать, Поль Нардин...

Поль Нардин — это я. Да, именно так, с ударением на второй слог. Мне тридцать четыре года, и при росте метр семьдесят пять во мне около восьмидесяти пяти килограммов. Причем смею вас уверить, что ни одного грамма не приходится на жир. Я смугл и черноволос, хотя седина уже серебрится на коротко подстриженных висках. Глаза темно-зеленые, привычно прищуренные, как это бывает у европейцев, которые много времени провели в жарком климате. Что еще? Худощавое скуластое лицо и шрам «образца 1978 года» на подбородке — память о майской переделке в Заире. Сейчас я нахожусь в городке Кальви, на Корсике. Это родина Христофора Колумба, место, где адмирал Нельсон остался без глаза, и база нашего Второго парашютно-десантного полка. В отставку выхожу в звании сержант-шефа. За плечами — три контракта и пятнадцать лет выслуги, по которой я имею право на персональную пенсию. Она не велика, но с голоду не умру. Надо заметить, что третий контракт отработал не полностью. Мне оставался целый год, но увы — это не моя вина. В Париже, после

¹ Мой майор (*фр.*) — уставное обращение к старшим по званию.

бурных и продолжительных дебатов, все же приняли решение о сокращении Иностранного легиона. Причина? Она банальна, как все политические ошибки. «Слишком дорого для Франции!» Ну что же: может быть, и так. Слишком дорого... Как бы там ни было, но француженки не стоят напротив министерства обороны с гневными плакатами, требующими вернуть своих сыновей домой из какой-нибудь африканской «задницы». В опасных местах отдуваемся мы — легионеры. Забыв про эту «мелочь», сокращение пришлось железной щеткой по нашим рядам. Сегодня, с опозданием в месяц, пришел приказ и мне. «Увольнение по причине сокращения». Отныне Поль Нардин предоставлен сам себе. В конце концов, майор прав — я еще достаточно молод, чтобы заняться чем-то иным, кроме как восстанавливать «конституционный порядок» где-нибудь в Африке или Южной Америке. Не я первый, не я последний...

Через месяц я вернулся в Париж, где родился и вырос. Навестил мать. Она постарела. В ее некогда черных, как вороново крыло, волосах появились серебряные пряди. Моя вина... Мы, скажу честно, мало общались. Вскоре после смерти моего отца, в 1971 году, у нее появилась новая семья. С отчимом, служащим нотариальной конторы, мы, как говорится, не сошлись характерами. Он считал меня слишком наглым, а я его — слишком большой сволочью. В канун моего восемнадцатилетия мы крепко повздорили. Этот жирный придурок позволил себе сказать резкость про моего покойного отца. Секунду спустя он неожиданно упал, причем так неловко, что сломал себе челюсть. Прискорбный случай случился лишь на его аппетите (несколько недель он питался через трубочку), но наших отношений не улучшил. Не скажу, что меня это сильно расстроило. В результате всего этого в 1973 году, после получения степени терминаля¹, я отказался продолжать учебу и завербовался в

---

¹ Терминаль — бакалавр.

Иностраннный легион. Про службу рассказывать не буду. Если вас это интересует по долгу службы, то все подробно описано в моем личном деле. Там найдется все, начиная от учебной базы в Кастельнодари.

Еще мгновение — и я вижу ворота кладбища Сен-Женевьев-де-Буа, в сорока километрах от Парижа. Чуть левее православной церкви Успения Божией Матери — несколько дорогих для меня могил. Здесь похоронены мой отец, дед и даже прадед. Нет, фамилия Нардин — не русская. Предки были французами, которые после Французской революции уехали в Россию. После 1917 года они вернулись обратно. Если сказать точнее, то вернулся мой прадед с семьей. Круг путешествий «русских французов» (как называли нашу семью соседи) замкнулся. Пятнадцать лет спустя я возвращаюсь к своим истокам, оставив в прошлом бесшабашного юношу, который любил жизнь. Мечты развеялись прахом, а прошлое иногда приходит по ночам. Оно садится у изголовья и таращит свои мертвые глаза в пустоту. Хотя нет, это другое прошлое. То, что заставляет просыпаться в холодном поту, когда вижу черно-белую кровь и погибших друзей. Странно, но мои сны никогда не бывают цветными. Может, это и к лучшему? Отгоняю от себя эти видения, просиживая до рассвета у окна, выходящего на тихую парижскую улочку, но они не уходят. В комнате прохладно, по стеклу стекают капли дождя, а я кожей ощущаю африканскую жару и слышу звуки очередной войны. Войны, о которой забыли спустя несколько месяцев после того, как отгремели последние выстрелы. Для меня это воспоминания с привкусом горечи и боли. Для других — еще одна точка на карте мира, где схлестнулись интересы политиков и дельцов. И конечно, еще одна подходящая тема для журналистов, чтобы привлечь аудиторию телевизионных каналов и продажных бульварных листков.

Подходящей работы на родине не нашлось. Были несколько предложений, но я, немного подумав, отказал-

ся. Слишком тонкая грань между криминалом и честным бизнесом. Вы можете не верить, но даже у наемников есть определенный кодекс чести. Так бы, наверное, и мучился, как это часто случается с легионерами, которые не смогли найти свое место в мирной жизни. На мое счастье (или несчастье, не знаю), из полка мне переслали письмо от моего старого приятеля Джузеппе Марино. Человека, с которым я дружу больше десяти лет. Бок о бок мы участвовали во всех переделках, где принимал участие наш Второй парашютно-десантный полк. Вместе с ним штурмовали отель «Импала» в Кольвези и глотали пыль в Африке. Старина Пеппино¹ после того, как три года назад ушел в отставку, уехал в Америку, где поселился в маленьком городишке Флоресвилл, неподалеку от Сан-Антонио. Первое время он работал телохранителем у одного техасца, занимавшегося нефтяным бизнесом, а потом женился на худенькой гречанке по имени Ия и устроился в частную охранную фирму. Купил в кредит небольшой домик и живет, наслаждаясь сомнительными прелестями тихой семейной жизни. Как я понял из нескольких скупых строк, клиентов у его конторы немного. Обслуживают небольшую корпорацию, которая трясется над своими секретами, как курица над первым яйцом, и денег на охрану не жалеет. По словам Джузеппе, работа не пыльная (он уже отрастил небольшое брюшко и привык к телевизору по вечерам). Согласен — это лучше, чем устанавливать порядок в очередной банановой республике, которая не поспешила прогнуться перед нашими толстосумами. Почему бы и мне не попробовать пожить спокойной и размеренной жизнью? Ожирение мне не грозит — в нашем роду отродясь толстяков не было.

Воскресная прогулка по парижским улочкам хорошего настроения не прибавила. Нет, я не расист, но увольте меня от сомнительного удовольствия лицезреть за-

---

¹ Пеппино — производное от имени Джузеппе.

силе иностранцев во Франции! Станный взгляд для легионера, скажете вы? Да, может быть, и так, но будем *appeler un chat un chat*¹, есть разница между наемником, рискующим своей шкурой, и пришлым бездельником, сидящим на шее налогоплательщиков. Помяните мое слово — пройдет лет двадцать, и эти приезжие будут жестко диктовать свои правила нашим пышнотелым и обленившимся рантье. История знает множество примеров, когда чужаки низвергали целые империи в бездну хаоса и запустения. Так будет и с Францией, дайте им только время.

Америка... Не скажу, что меня привлекает эта страна, но выбирать не приходится. Тем более что Техас — наверное, единственное место в этой стране, где люди еще не заражены новомодным словом «толерантность». Где до сих пор гордятся своими сыновьями, служащими в морской пехоте, и презрительно кривят губы при виде женоподобных мужчин.

Не откладывая дела в дальний ящик, поздно вечером я созвонился с Джузеппе. Связь была не ахти какой, но даже расстояние не смогло приглушить его радостные вопли.

— Медведь! Рад тебя слышать, дьявол тебя раздери!

Медведь — это я. Точнее, это прозвище, которым меня окрестили в Легионе. И «крестным отцом» был именно Пеппино. В одной африканской дыре, куда нас отправила Франция, ему попала в руки изодранная книга без обложки. Читать он не любил, но чего не сделаешь от скуки? Вот он и вычитал о происхождении некоторых имен. Выяснилось, что Нардин — это усеченная форма от итальянского имени Бернарден, с германскими корнями. «Храбрый медведь». Не знаю, но мне не нравится затасканное выражение «храбрость». Хуже него только «мужественность». Вслушайтесь в истеричное «он мужественно терпел...».

---

¹ называть кошку кошкой (*фр.*).

Так и тянет пустить слезу, глядя на очередного обрюзгшего страдальца, томно взирающего на мир. Мужчина никогда не терпит, не выносит и не страдает. Он действует. Действует и борется — даже тогда, когда весь свет восстает против него.

— Привет, Джузеппе! Слышал, что ты стал большим любителем пива и гамбургеров?

— Как бы не так, Поль. Стараюсь держать себя в форме.

— Ну-ну... Бегаешь по утрам? Или для этого ты женился на гречанке? — усмехнулся я. — Понимаю: *тіеих vaut tard que jamais*¹. Может, из тебя еще и выйдет приличный человек. Хотя, вспомнив несколько амурных историй...

— Оставь свои грязные намеки, сержант!

— Упаси меня бог, Пеппино!

— Ия говорит, что она позаботится и о твоей холостой судьбе. У нее на примете есть одна приличная девушка, так что скучать не будешь...

— Гречанка?

— Конечно! Ее кузина. Девушке пора замуж, и...

— Ах вот как! — засмеялся я. — Тогда начинаю подумывать о том, чтобы отказаться от этой рискованной поездки. Вспомни слова Эрюлена!

— Разве наш полковник что-то имел против женщин?

— Нет, но он сравнивал женатого человека со взведенной гранатой...

— Не переживай, Медведь! Вспомни, что наемники не умирают.

— Да, конечно. Они спускаются в ад, для перегруппировки. Что там с работой, Пеппино?

— Тоска смертная, — вздохнул он. — Правда, есть одно интересное предложение, но это не телефонный разговор. Обсудим при встрече.

---

¹ лучше поздно, чем никогда (*фр.*).

— Надеюсь, ничего противозаконного?

— *Lascia stare, Orso! Tutto andrà bene!*¹

Поговорив еще несколько минут, я прояснил некоторые вопросы о предстоящей работе. Как говорил Джузеппе, их основным клиентом является небольшая корпорация. Охрана обеспечивает неприкосновенность ее территории, а точнее — научного центра. Учитывая, что в городе расположен форт Сэм-Хьюстон — а это один из крупнейших сухопутных военно-медицинских центров, — ничего удивительного, что служба безопасности скучает без дела. Недолго думая (и сверившись с расписанием полетов) я сообщил Джузеппе дату своего прибытия. Выслушал очередную порцию криков и даже улыбнулся. Приятно, черт меня побери, когда тебя ждут! Жизнь меня этим не баловала.

Прямого рейса в эту дыру, естественно, не было, поэтому летел с пересадкой, через Нью-Йорк. Вещей, учитывая мою кочевую жизнь, было немного. Все уместилось в одну небольшую сумку. Пачка армейских фотографий и несколько наград, полученных за время службы. Заглянул в ювелирный магазинчик, выбрал (пусть и с опозданием) свадебный подарок для жены Джузеппе и уже через два дня покинул Францию. Впервые — как гражданское лицо...

1988 год. Флоресвилль, Сан-Антонио, штат Техас

Прилетев на место, Пеппино среди встречающих в аэропорту не обнаружил. Сказать, что я удивился, — это значит вообще промолчать. Несмотря на свое происхождение, Джузеппе отличался небывалой для итальянца пунктуальностью и педантичностью. Телефон тоже не отвечал, и добираться мне пришлось самому. Была мысль задержаться в Сан-Антонио на денек-другой, чтобы осмотреть знаменитую миссию Аламо, но, рассу-

---

¹ Не волнуйся, Медведь! Все будет хорошо! (*ит.*)

див, что это удовольствие от меня не убежит, отправился к Марино домой. До Флоресвиля было около тридцати миль по хорошей живописной дороге (сельские пейзажи и нефтяные вышки), и меньше чем через час я уже подходил к дому итальянца.

Можно сказать, что успел вовремя...

Вовремя, чтобы присутствовать на похоронах Джузеппе Марино. Ровно за трое суток до моего приезда он погиб на дежурстве. Глупый несчастный случай. Хотя смерть редко бывает умной и своевременной. Она — из тех гостей, кто не спрашивает о наших планах на завтрашний вечер. Последующие несколько дней, как это любят писать в романах, выпали из моей памяти. Нет, я не впечатлительная дамочка, чтобы впасть в истерику при виде трупа, но рыдающие женщины вызывают неприятные воспоминания. К тому же вид напояженного и ухоженного мертвеца, лежащего в аккуратном гробу, вызывает ощущение чего-то искусственного. Видно, я привык к другим ее образам, в которых нет «театральности смерти», как любил говорить один мой знакомый.

Прошло два дня. Однажды утром я сидел на веранде с банкой пива (дьявол раздери это американское пойло!) и подумывал о том, что пора подыскать себе новое жилье. Не могу же я вечно пользоваться гостеприимством человека, которого практически не знаю. Жена, а точнее — вдова Джузеппе, полагаю, думала то же. Так бы я и уехал со спокойной совестью, если бы не одна реплика, брошенная во время завтрака.

— Это все из-за Нового мира... — тихо сказала Ия и отвернулась, чтобы скрыть слезы.

— Нового мира? — непонимающе переспросил я.

Она не ответила и вышла из кухни. Через несколько минут собралась и уехала по каким-то делам в Сан-Антонио. Не бежать же за ней и спрашивать, что она имела в виду?! Захочет — сама расскажет. Но фраза в голову запала. Что это за Новый мир? Не люблю я пышные на-

звания. Сразу появляются нехорошие ассоциации. Новый мир — новые люди... Очередные «избранные»? Дьявол меня раздери, во что умудрился впутаться Джузеппе?!

Когда Ия вернулась домой, я усадил ее за обеденный стол и сел напротив.

— Рассказывай.

— Что я должна вам рассказать, Поль? — нервно спросила она.

— Про Новый мир и как это связано со смертью Джузеппе.

— Я ничего не знаю, — пряча глаза, сказала Ия.

— Ты уверена?

— Да...

— Пеппино был моим другом. И я хочу выяснить, что произошло.

— Не надо, — покачала головой Ия. — Лучше не надо...

— Как знаешь, — подвел я итог и на следующий день перебрался в Сан-Антонио.

Остановился в небольшой гостинице неподалеку от набережной. Не самое плохое место, чтобы затеряться в этом городе. Хотя скажу честно — прятаться не входило в мои планы. Адрес корпорации, которую охранял Марино, я знал. Спросил у вдовы. Не стану утверждать, что она была рада этому вопросу, но адрес сообщила. Центр располагался на окраине Сан-Антонио, в стороне от туристических маршрутов и военных баз. Несколько ангаров и новомодное административное здание, блестящее зеркальными окнами, как елочная игрушка.

Для того чтобы получить информацию об охраняемом объекте, не обязательно брать его штурмом. Не надо взрывать ворота и делать подкопы. Оставьте это удовольствие суперменам из шпионских фильмов. Достаточно присмотреться к людям, которые там работают. Где они отдыхают, где развлекаются. Мне хватило трех дней, чтобы вычленив из общей массы несколько

человек. Один из них засиживался в баре, находящемся неподалеку. Пил пиво, катал шары в пул и флиртовал с пухленькой официанткой. Познакомиться с ним не составило большого труда. Особенно после того, как я проиграл ему несколько партий. Выставил на стойку бара свой проигрыш, равный пяти бокалам пива, и мы разговорились. Я представился французским туристом, благо этих бездельников хватало с избытком. Надо отдать должное головастику из исследовательского центра — собеседником он оказался интересным. Рассказал некоторые занятные факты из истории города, начиная от высадки испанцев в 1691 году и заканчивая историей о штурме Аламо в 1836-м. Даже про нож Боуи рассказал. Знание американской истории не входит в число моих достоинств, но этот знаменитый нож видеть доводилось. Как это связано с Аламо? Самым тесным образом. Оказывается, его «создатель», полковник Джеймс Боуи, был одним из тех, кто возглавил оборону этой крепости. Кстати, нож хоть и считается его изобретением, таковым не является. Авторство принадлежит другому человеку, простому кузнецу по имени Джеймс Блэк, так что очередная американская легенда оказалась с небольшой червоточиной. Впрочем, как и большинство легенд.

От историй мы плавно перешли к фильмам. Обсудили недавнюю премьеру фильма «Последнее искушение Христа» и разошлись, договорившись встретиться завтра, чтобы устроить матч-реванш. Нет, я не задавал ему вопросов о работе. Так, несколько «нечаянных» оговорок и вскользь брошенных фраз, сказанных с одной целью — посмотреть на его реакцию. Я не пытался выяснить, чем он занимается на своем рабочем месте, и пропуск из кармана тоже не крал. Всему свое время.

Следующим вечером мой собеседник не появился. Честно прождав час, я допил пиво и вышел на улицу. Теплый летний вечер... Жара уже спала, в воздухе висел аромат цветов, смешиваясь с запахом нагретого за день

асфальта. У входа в бар меня ждали. Два человека, чей внешний вид навевал мысли о близнецах. Нет, двойняшками они не были, но если судить по одежде, пользовались услугами одного портного. Причем пошиты костюмы со знанием дела — оружие под пиджаками было практически не заметно.

— Вам не жарко, ребята? — усмехнулся я.

— С вами хотят поговорить, — сказал один из них и, сделав небольшую паузу, кивнул на машину, — но не здесь.

— А с чего вы взяли, что я захочу с вами разговаривать?

— Думаю, нам не стоит ссориться, мистер Нардин. Дело в том, что мы хотели бы внести некоторую ясность в ситуацию, которая сложилась после смерти вашего друга.

— Джузеппе?

— Именно, — кивнул мой собеседник.

— Вы из полиции?

— Нет.

— Почему я должен вам верить?

Он пожал плечами и не ответил. Глядя на эти лишенные выражения лица, я задумался. Сдается, что вчерашний партнер по бильярду оказался не таким дураком и все же сбегал в службу безопасности, чтобы рассказать о странной фразе, сказанной туристом-французом. Ну что же, я на это и рассчитывал. А может, и не он, а жена Джузеппе. Кто знает...

— Едем, — кивнул я и направился к машине.

Поездка оказалась недолгой — меня привезли к воротам, за которыми возвышалась стеклянная коробка центра. Прошли через главный вход, миновали охранника, сидящего перед мониторами, и поднялись в лифте на десятый этаж. Пеппино был прав — на охране здесь не сэкономили. Камеры слежения имелись в каждом коридоре, а в холле их было штуки четыре, не меньше.

Меня привели в небольшой кабинет, похожий на комнату для переговоров, и оставили в одиночестве. На небольшом столике лежали несколько иллюстрированных журналов и рекламных проспектов. Ну что же: это лучше, чем рассматривать несуществующие трещины на потолке...

Прошло минут десять, и в комнату вошел мужчина. Лет пятидесяти, русоволосый. В хорошей физической форме. Эдакий образчик стареющего плейбоя в шикар-ной обертке. Хорошие зубы, которые он продемонстрировал своей безликой (исключительно американской) улыбкой. Не знаю почему, но я сразу представил его с теннисной ракеткой в руках. Или с клюшкой для гольфа. За плечами, наверное, Гарвардский университет и целая галерея родовитых предков с «Мэйфлауэра»¹.

Что еще? Отлично пошитый серый костюм, тщательно завязанный галстук.

— Добрый вечер, мистер Нардин, — он протянул мне руку, — меня зовут Патрик Бэлл.

Пожалуй, я не буду описывать первые минуты разговора. Как, впрочем, и его рассказ о смерти бедняги Джузеппе. Это и правда несчастный случай. Видеозапись — прекрасное доказательство, и причин сомневаться в ее подлинности у меня не было.

— Дело в том, — начал мужчина, — что нашей корпорации нужны люди, похожие на вас.

— Чем похожие?

— Прошлым, складом характера и образом жизни.

— Прошло меньше месяца, как я вышел в отставку, — усмехнулся я, — и образ жизни еще не сформировался.

— Вот именно, Поль, — кивнул он, — меньше месяца... Может быть, чашку чая? Кофе? Виски? — спохватился он.

— Нет, благодарю вас, — покачал головой я.

---

¹ «Мэйфлауэр» — английский рыболовный трехмачтовый барк, доставивший в 1620 году первых английских переселенцев в Америку.

Если пиво у них можно назвать бурдой, то кофе готовят такой, что его и бурдой назвать сложно. Хотя нет, найдется и для него название. Пойло, иначе не скажешь. Наверное, только в Америке кофе заваривают в большом кофейнике и держат горячим весь день. Им и в голову не приходит, что можно сварить свежий.

— Скажите, а вам не скучно? — неожиданно спросил Патрик.

— У вас есть способ меня развеселить?

— Нет, — покачал головой он, — но работа, которую я хотел бы вам предложить, скучать не даст.

— Если это не противоречит закону.

— Вы так щепетильны? Это странно для...

— Наемника, хотели сказать? — закончил фразу я.

— Нет, что вы, — Патрик выставил перед собой белые, ухоженные ладони, — я не хотел вас обидеть. Я всегда уважал профессионалов. В любой области. Смею вас уверить, что все, чем занимается наша корпорация, абсолютно законно.

— Это радует.

— Скажите, — он сделал небольшую паузу, — вы верите в иные миры?

— Во что? — не понял я.

— В существование иных миров.

— Вы серьезно?

— Абсолютно.

— Если за это хорошо платят, то почему бы и не поверить.

— Понимаю вашу иронию, Поль, но дело здесь вот в чем...

1988 год. Исследовательский центр.

Сан-Антонио, штат Техас

Дальнейший наш разговор (а точнее, монолог моего визави) можно было принять за бред сумасшедшего. Можно, но я не принял. В Африке мне доводилось

сталкиваться с такими вещами, по сравнению с которыми сказанное Патриком похоже на безобидный анекдот о монашке. Ладно, о прошлом — в следующий раз... По словам мистера Бэлла, восемь лет назад, примерно в середине 1980 года, был открыт новый мир. Да, именно так. Как это часто бывает, небольшая группа ученых искала одно, а нашла совсем другое. Причем это «другое» оказалось ни много ни мало, а проходом в неведомый мир. Куда именно — на другую планету или в параллельную реальность, они (как я это понял) и сами до сих пор не знают. В результате исследований удалось выяснить, что по ту сторону находится пригодная для человека среда обитания. Ученые, по моему мнению, всегда были не от мира сего, но эти превзошли самих себя. Мало того что не спешили поделиться открытием со своими коллегами — они даже спецслужбы забыли уведомить. Оставили, так сказать, в блаженном неведении. Надо отдать им должное — смелые, черти!

Как рассказал мне Патрик, после трех лет экспериментов с помощью разнообразных зондов и подопытных животных ученые наконец рискнули отправить туда человека (нашелся один волонтер из группы). *Un dur à cuire*¹, ничего не скажешь! Решиться на такой эксперимент — это надо иметь стальные нервы. Тем более что возврата оттуда нет — проход односторонний. Да, вы не ослышались. Войти можно, а вот вернуться обратно не получается. На мой взгляд, ученым повезло — кто знает, что оттуда могло бы вылезти! Двухсторонняя радиосвязь, пусть и слабая, присутствует, но не более того. Немного позже, когда для дальнейших исследований понадобились деньги (и немалые), нашлись люди, готовые их финансировать. Они-то и предложили ученым попробовать заселить этот мир людьми. Добровольцами, «в которых не умер здоровый дух авантюризма».

---

¹ Слишком жесткое, чтобы варить, — аналог русского «крепкий орешек» (фр. фразеолог.).

— Патрик, а вы не боитесь рассказывать мне такие вещи? — спросил я. — Ведь я еще не дал согласие на сотрудничество.

— А чего нам бояться, Поль? Что вы побежите в ФБР или ЦРУ и начнете им рассказывать про неизведанный мир? — Он усмехнулся. — Вы хотя бы примерно представляете, сколько людей обращается с такого рода заявлениями?

— Логично... И зачем вам я?

— Видите ли, Поль... Дело в том, что переселенцы — это обычные люди. Они приходят в Новый мир, чтобы жить. Если вам будет угодно — начать свою жизнь заново. С чистого листа. У них нет никаких обязательств перед нашей организацией.

— Если позволите, у меня еще один вопрос.

— Да, конечно...

— Что это за организация?

— Мы называем ее Орденом. Организация ученых, открывших проход в Новый мир, и первых переселенцев. Она преследует целью населить этот мир как можно большим количеством людей и старается, по мере своих возможностей, облегчить процесс становления новой цивилизации.

— Звучит красиво, — я пристально посмотрел ему в глаза, — но скажу честно, даже слишком красиво. Согласен, что цель прекрасная, но «назовите мне какое-нибудь самое чистое и выдающееся деяние, и я берусь обнаружить в нем, с полным правдоподобием, полсотни порочных намерений»...

— Вы знакомы с работами Монтеня? — удивился Патрик.

— Довелось.

— Вы интересный человек, Поль... Скажу честно: если бы не рекомендация Джузеппе и не проверка по нашим собственным каналам во Франции, то я подумал бы, что вы не тот, за кого себя выдаете.

— Даже так?

— Именно так, — кивнул он. — Честно признаюсь, что перед тем, как дать свое согласие на ваш приезд, мы получили полную информацию о вашей персоне.

— Это заметно. Вы не задаете мне никаких вопросов.

Патрик развел руками — мол, что поделаешь, если работа такая. Шустрые ребята. Шустрые и с хорошими связями. Чтобы получить информацию о некоторых операциях, в которых мне довелось участвовать, надо обладать очень хорошими связями.

— Но вы ошибаетесь, — он вернулся к разговору так, словно реплик о моей персоне и не было, — Новый мир осваивается без всяких «порочных» намерений. Скорее наоборот. Если вам будет угодно — это последняя надежда человечества.

— Надежда на что?

— Не исчезнуть, Польша! Не сгинуть с лица Земли. Думаю, вы и сами не раз задумывались, что мир становится хуже.

— С этим трудно не согласиться.

— Все эти ядерные испытания, — поморщился Бэлл, — и прочие ошибки человека могут привести мир к глобальной катастрофе. Земля напоминает пороховую бочку с тлеющим фитилем. В один прекрасный день все может рухнуть. Если это, не дай бог, конечно, произойдет — Новый мир станет единственным шансом на спасение.

«И золотым дном для Ордена, — подумал я. — Кто из богатеев пожалеет средств, чтобы спасти своих близких от неминуемой смерти?» Подумал, но вслух, естественно, не сказал. Будем считать, что для начала цель «спасителей человечества» ясна...

— Но ученым нужна информация уже сейчас, — продолжил рассказ Патрик. — Информация о мире. Полезные ископаемые, его флора и фауна. Только после получения этих данных мы можем составить план освоения Новой Земли. На данном этапе сведений крайне мало, и подчас они противоречат друг другу. Вы же по-

нимаете, что человеку свойственно приукрашать действительность. Что уж греха таить — многие из переселенцев этим грешат. Истории, которые они рассказывают небольшой группе ученых, расположенной на одной из наших баз, часто далеки от действительности. Нам нужна реальная картина Нового мира.

— А что: кроме этой небольшой группы ученых, их коллеги переселяться не спешат? Что так? Не хотят начать жизнь сначала?

— С этим проблем нет. Среди сотрудников центра добровольцев хватает. Большинство готовы переселиться хоть завтра. Вы же понимаете, какой интерес у них вызывает этот мир. Проблема в том, что экспедиции необходимо охранять. От животных и, что уж греха таить, от бандитов.

— Бандитов?! Вы что, запустили в Новый мир преступников?

— Мы не можем проверить прошлое всех переселенцев. Приходится признать, как это ни прискорбно, что бандиты там уже существуют. Даже у некоторых вполне законопослушных граждан сносило крышу. Не знаю — то ли от новых ощущений, то ли от отсутствия привычных нашему миру ограничений.

— Одним словом, вашим головастикам нужна охрана.

— Именно так. Если быть предельно точным — нужна квалифицированная охрана экспедиций. Охрана поселений и баз у нас есть.

— Вы предлагаете мне заняться созданием охранной структуры или должность простого охранника?

— Думаю, что у нас будет возможность это обсудить.

— Скажите, Патрик, там сейчас много переселенцев? В этом... — я хмыкнул, — Новом мире?

— На данный момент — около трехсот восьмидесяти тысяч.

— Немало...

— Да, — согласился он, — динамика роста — неплохая.

— Они расположены в одном месте или разбросаны по территории?

— На территории Новой Земли уже возникло несколько небольших городов, где и сосредоточена основная масса переселенцев. Конечно, многие из них пытались проникнуть дальше обжитых мест, но с ними нет связи. Вполне допускаю, что некоторые из них выжили и закрепились на новом месте.

— Все переселенцы — из Америки?

— Нет, не только. Наши эмиссары неплохо потрудились в Европе.

— У вас есть центры в Европе?

— Для первой беседы — улыбнулся Патрик, — вы очень любопытны, Поль.

— Вы же сами сказали, — я вернул ему улыбку, — что ничем не рискуете, рассказывая мне эту фантастическую историю. Допустим, что мы с вами обсуждаем некий гипотетический мир.

— Bravo, Поль! Мы меня убедили! — Бэлл хлопнул себя по колену и расхохотался. — Среди переселенцев есть англичане, немцы, французы и итальянцы. Даже русские; правда, их совсем немного, около десяти тысяч. Как правило, это люди из эмигрантов.

— Те, кто вырвался из-за железного занавеса, — улыбнулся я, — вдохнул воздух свободы и разочаровался?

— У вас странный взгляд на мир.

— Скорее — наоборот; это трезвый взгляд на ситуацию.

— Вы патриот России?

— Увольте меня от этих шаблонов, Патрик! Патриот, демократ, свобода... Вы меня еще в коммунисты запишите!

— Может, я и повторяюсь, но вы — необычный человек, Поль...

— Но вам такие и нужны, не правда ли? Реально смотрящие на вещи и обстоятельства. Способные принимать решения и брать на себя ответственность за жизнь других людей.

— Да, пожалуй, вы правы, — кивнул Патрик.

— В последнее время возник дефицит этого материала, иначе вы не стали бы искать сотрудников по всему миру. Скажите, Джузеппе собирался в Новый мир?

— Да, — он опять кивнул, — вместе со своей женой. Он должен был осуществить переход через неделю. Ждал вас.

— У меня несколько вопросов. Во-первых — оплата. Во-вторых — хотелось бы узнать побольше о климате, болезнях, средствах связи, местных ресурсах и снабжении колонистов. Организация экспедиций и их примерный состав. Мои полномочия как человека, отвечающего за безопасность экспедиции, и структура управления в целом.

— Как я понял, вы согласны?

— Если сойдемся в цене.

— Вы мне нравитесь, Польш, — расхохотался Патрик, — ей-богу, в вас что-то есть! В вашем роду, насколько мне известно, бизнесменов не было, но разговор вы строите как умелый менеджер. Забрасываете меня вопросами, а сами каждый раз норовите увильнуть от ответа. Хорошо, пусть будет так. Что касается ваших вопросов, — он сразу посерьезнел, — то на них ответит другой человек. Вас устроит время встречи: завтра утром, часов в десять?

— Конечно.

— В таком случае, — он встал и протянул мне руку, — до встречи, мистер Нардин! Если вы не возражаете, вас проводят. По вечерам на улицах Сан-Антонио небезопасно.